

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМѢТКИ

мат 1046₁

Новый рассказ Чехова.

А.П.Чехов. "Убийство". Рассказ. "Русская мысль", ноябрь.

Ещё недавно, говоря о Чехове, я заметил, что

Если довольно затруднительно по произведеніямъ составить ясное понятіе о его міросозерцаніи, то его симпатіи и антипатіи совершенно ясны. Очевидно всѣ его симпатіи на сторонѣ простыхъ людей — на сторонѣ бабъ, мужиковъ, дьячковъ, старомодныхъ сельскихъ священниковъ и т. д. Отношеніе къ такимъ лицамъ у него совершенно опредѣленное. Отношеніе же его къ такъ называемымъ интеллигентнымъ людямъ и не совсѣмъ опредѣленное, и двойственное, но, большею частью, насмѣшливое и какъ бы пренебрежительное. Онъ ярко изображаетъ жизнь простыхъ людей, онъ ярко изображаетъ и жизнь людей „интеллигентныхъ“; но жизнь простыхъ людей выходитъ у него яркою и сама по себѣ, жизнь же людей „интеллигентныхъ“ сама по себѣ представляется блѣдною, тусклою, лишенною внутренняго содержанія. Такъ во всѣхъ лучшихъ произведеніяхъ Чехова. Въ „интеллигентной“ жизни онъ замѣчаетъ или тупую апатію, или ту „мышью бѣготню“, въ которой иные видятъ „дѣятельность“, — ту „дѣятельность“, о которой діаконъ изъ разсказа *Дуэль* замѣчаетъ, что она — „одно препровожденіе времени“. Мы видимъ въ изображеніяхъ Чехова, что это состояніе души „интеллигентнаго“ человѣка происходитъ оттого, что душа его вся опутана мелочами, что она подавлена мелочными страстями и мелочными мыслями, мы видимъ, что душа „интеллигентнаго“ человѣка въ изображеніяхъ Чехова такая же омертвѣвшая, обнищавшая душа. — омертвѣвшая въ своей пошлости, какъ та, которую съ такой неслыханною силой

изобразилъ намъ Гоголь. Разница только въ формѣ выраженія, а не въ сущности: въ формѣ выраженія пошлости современнаго „интеллигентнаго“ человѣка, и въ формѣ выраженія пошлости тѣхъ людей, которыхъ изображалъ Гоголь. Разница же, конечно, и въ силѣ и въ глубинѣ изображенія.

Но когда Чеховъ изображаетъ „интеллигентныхъ“ людей, къ которымъ у него нѣтъ насмѣшливаго и пренебрежительнаго отношенія, мы замѣчаемъ, что онъ относится къ нимъ съ какимъ-то недоумѣніемъ. Это недоумѣніе мѣшаетъ ясности изображенія; очевидно, самъ авторъ не слишкомъ глубоко понимаетъ смыслъ жизни такихъ людей, но все же его изображенія и здѣсь настолько ясны, что даютъ возможность понять сущность дѣла.

Подобныхъ людей мы видимъ въ герояхъ разсказа Чехова *Палата № 6*, и въ героѣ и героинѣ его другого разсказа *Записки незнакомаго человека*. Здѣсь мы видимъ людей, душа которыхъ опутана не мелочными страстями и мыслями, а чѣмъ-то инымъ. Это — разслабленные души, это люди — неспособные ни къ какому сильному душевному движенію; ни любовь, ни вѣра, ни надежда не могутъ разгорѣться въ ихъ душахъ яркимъ пламенемъ и согрѣть ихъ. И они живутъ и умираютъ среди какого-то нѣмого недоумѣнія предъ жизнью. Они — „лишніе люди“. Жизнь проходитъ мимо нихъ, и они проходятъ мимо жизни, съ нѣмымъ недоумѣніемъ вглядываясь въ ея явленія. Это въ сущности метаморфоза тургеневскихъ типовъ; но „лишніе люди“ Чехова, въ противоположность „лишнимъ людямъ“ Тургенева, лишены всякой поэзіи: они просто какіе-то ходячіе трупы....

Вотъ все, что нашелъ Чеховъ среди нашей „интеллигенціи“; отсутствіе внутренняго содержанія, отсутствіе яркой и выразительной духовной жизни даже въ лучшихъ ея представителяхъ — вотъ что нашелъ онъ. Его „интеллигенты“ или пошляки или ходячіе трупы.

Очень понятно поэтому, что всѣ его симпатіи обращены къ простымъ людямъ. Такъ, среди „интеллигенціи“ онъ, видѣть смерть, здѣсь — жизнь. И онъ съ любовью изображаетъ ясную, простую душевную жизнь, тихую и незамѣтную, но всегда дѣятельную — душевную жизнь такихъ простыхъ и просто добрыхъ людей, какъ отецъ Христофоръ или дьяконъ въ разсказѣ *Письмо*, или докторъ Самойленко въ разсказѣ

Дуэль. Онъ съ глубокимъ интересомъ наблюдаетъ и изображаетъ также движеніе живыхъ страстей въ простыхъ людяхъ, — въ людяхъ, которыхъ душа не омертвѣла, не разслаблена, а живетъ полною жизнью, проявляя эту жизнь и въ добрѣ, и въ злѣ, и въ грѣхѣ, и въ покаяніи.

Жизнь простыхъ людей послужила темой и для разсказа Чехова *Убийство*. Но здѣсь эта жизнь взята еще съ одной стороны, которой до сихъ поръ вовсе не касался Чеховъ или касался мало — со стороны религіозной жизни души простыхъ людей. Этой стороны народной жизни, или, вѣрнѣе сказать, ея основанія, очень мало касалась наша художественная литература — и тѣмъ болѣе интересъ представляетъ собою разсказъ Чехова. II.

Этотъ интересъ усиливается еще тѣмъ, что въ разсказѣ выведены сектанты. Ихъ два брата. Одинъ обратился изъ сектантства къ „обыкновенной вѣрѣ“, какъ онъ выражается, другой, напротивъ, уклоняется въ сектантство.

Прекрасно изображаетъ Чеховъ этихъ грубыхъ людей и ихъ грубый бытъ; ничѣмъ не смягчено это изображеніе; напротивъ, почти жестокое спокойствіе разсказа сразу сообщаетъ читателю серіозное настроеніе, сразу чувствуется, что здѣсь не шутятъ, да что и автору не до шутокъ, что самого его заставила глубоко задуматься жестокая правда жизни.

Но у этихъ грубыхъ людей, изображенныхъ въ разсказѣ Чехова, души не омертвѣвшія и неразслабленныя; эти люди ищутъ и ищутъ со страстію, съ энергіей. Весь смыслъ ихъ существованія заключается въ ихъ душевной жизни...

Дѣйствіе разсказа происходитъ на заброшенной въ глуши маленькой желѣзнодорожной станціи *Прогонной* и въ ея окрестностяхъ. Недалеко отъ станціи есть деревенскій трактиръ, этотъ трактиръ принадлежитъ двумъ братьямъ Матвѣю и Якову Териховымъ. О своемъ братѣ Яковѣ Матвѣй, обратившійся изъ сектантства „къ обыкновенной вѣрѣ“, отзывается такъ: „признаться, не люблю я брата, — продолжалъ онъ, наливая себѣ чашку чаю. — Онъ мнѣ старшій братъ, грѣхъ осуждать, и боюсь Господа Бога, но не могу утерпѣть. Человѣкъ онъ надменный, суровый, ругательный, для своихъ родственниковъ и работниковъ мучитель, и на духу не бываетъ. Въ прошлое воскресенье я прошу его ласково: Братецъ, поѣдьте въ Пахомово къ обѣднѣ!“ А онъ: „Не поѣду, —

тамъ, говорить, попъ картежникъ"! И сюда не пошелъ сего-дня, потому, говорить, веденыйинскій священникъ курить и водку пьетъ. Не любить духовенства! Самъ себѣ и обѣдницу служить, и часы, и вечерню, а сестрица ему вмѣсто дьячка. Онъ: „Господи помолимся"! А она тонкимъ голосочкомъ, какъ индюшка: „Господи помилуй"!... Грѣхъ да и только. Каждый день ему говорю: Образумьтесь, братецъ! Покайтесь, братецъ, а онъ безъ вниманія". Таковъ этотъ Яковъ въ первомъ очеркѣ; потомъ, въ продолженіе разсказа, его нравственный обликъ становится еще яснѣй.

Другой братъ, Матвѣй, иного склада, хотя причины, заставившія его обратиться въ сектантство, какъ увидимъ, почти такія же, какъ у брата Якова. Матвѣй съ дѣтства былъ скромнень, тихъ, послушенъ, богомоленъ, но не *любилъ жизни*. Эта черта людей склонныхъ къ фанатизму прекрасно подмѣчена Чеховымъ. Вотъ какъ Матвѣй отзывается о природѣ, разговаривая съ буфетчикомъ Сергѣемъ Никаноровичемъ:

„А весна въ этомъ году поздняя, — сказалъ Матвѣй, прислушиваясь. — Оно и лучше, я не люблю весны. Весной грязно очень, Сергѣй Никаноровичъ. Въ книжкахъ пишутъ: весна, птицы поютъ, солнце заходитъ, а что тутъ пріятнаго? Птица и есть птица, и больше ничего. Я люблю хорошее общество, чтобъ людей послушать, объ религій поговорить или хоромъ спѣть что-нибудь пріятное, а эти тамъ соловьи да цвѣточки — Богъ съ ними!“

Въ другомъ мѣстѣ разсказывая о своемъ дѣтствѣ, онъ замѣчаетъ:

„Я, надо вамъ замѣтить, еще въ малолѣтствѣ былъ приверженъ къ религій. Мнѣ только двѣнадцать годочковъ было, а я уже въ церкви апостола читалъ, и родители мои весьма утѣшались, и каждое лѣто мы съ покойною маменькой ходили на богомолье. Бывало, другіе ребята пѣсни поютъ или раковъ ловятъ, а я въ это время съ маменькой. Старшіе меня ободряли, да и мнѣ самому это было пріятно, что я такого хорошаго поведенія“.

Вотъ эта-то фарисейская закваска все росла въ душѣ Матвѣя и привела его къ сектантству. Началось дѣло съ неправильно понятаго подвига. Матвѣй сталъ поститься, умерщвлять плоть, вести строгую жизнь, пренебрегая тѣми, кто не дѣлалъ такъ же, какъ онъ, и презирая ихъ. Это чувство

наросло въ его душѣ и ему уже все стало казаться нехорошимъ; себя, свою личность онъ сдѣлалъ какъ бы мѣриломъ жизни, ея достоинства и ея красоты. Наконецъ, такое душевное состояніе разрѣшалось совершеннымъ отдѣленіемъ отъ „обыкновенной вѣры“.

„Только вотъ, по прошествіи времени, исповѣдаюсь я однажды у священника“, рассказываетъ Матвѣй, — „и вдругъ такое мечтаніе: вѣдь священникъ этотъ, думаю, женатый, скоромникъ и табачникъ; какъ же онъ можетъ меня исповѣдать и какую онъ имѣетъ власть отпускать мнѣ грѣхи, ежели онъ грѣшнѣе, чѣмъ я? Я даже постнаго масла остерегаюсь, а онъ небось осетрину ѣлъ. Пошелъ я къ другому священнику, а этотъ, какъ на грѣхъ, толстомясый, въ шелковой рясѣ, шуршитъ будто дама, и отъ него тоже табакомъ пахнетъ. Пошелъ я говѣть въ монастырь, и тамъ мое сердце не спокойно, все кажется, будто монахи не по уставу живутъ. И послѣ этого никакъ я не могу найти службу по себѣ: въ одномъ мѣстѣ служить очень скоро, въ другомъ, гляди, задостойникъ не тотъ пропѣли, въ третьемъ дьячекъ гугнивый.... Бывало, Господи прости меня грѣшнаго, стою это въ церкви, а отъ гнѣва сердце трясется. Какая ужъ тутъ молитва? И представляется мнѣ, будто народъ въ церкви не такъ крестится, не такъ слушаетъ; на кого ни погляжу, всѣ пьяницы, скоромники, табачники, блудники, картежники, одинъ только я живу по заповѣдямъ. Лукавый бѣсъ не дремалъ, дальше — больше, пересталъ и пѣть въ хорѣ и уже вовсе не хожу въ церковь; такъ ужъ я о себѣ понимаю, будто я человѣкъ праведный, а церковь, по своему несовершенству, для меня не подходитъ, то-есть подобно падшему ангелу, возмечталъ я въ гордынѣ своей до невѣроятія. Послѣ этого я сталъ хлопотать, какъ бы свою церковь устроить“.

Кончилось дѣло тѣмъ, что Матвѣй устроилъ свою молельню. По городу, гдѣ онъ жилъ, разнеслась молва о его святости. Появились адепты новаго ученія — главнымъ образомъ женщины. Дѣло однако кончилось совершенно неожиданно для Матвѣя, но точно такъ, какъ всегда кончаются подобныя дѣла: „И такимъ образомъ, въ дикомъ безпамятствѣ, впалъ я въ блуд“, рассказываетъ кающійся Матвѣй. Съ этого началось возвращеніе Матвѣя къ „обыкновенной вѣрѣ“. Способствовалъ этому обращенію старикъ Осипъ Варламовичъ.

Такъ кончились нравственныя скитальчества Матвѣя. Этотъ разсказъ о его заблужденіи и возвращеніи къ „обыкновенной вѣрѣ“, занимающій у Чехова нѣсколько страницъ, читается съ неослабвающимъ интересомъ. Онъ написанъ мастерски, и не только самъ Матвѣй, со всею его душевною жизнью, становится яснымъ и понятнымъ, но и лица, до Осипа Варламовича включительно, мелькомъ появляющіяся въ разсказѣ, выходятъ живыми и одухотворенными. Въ разсказѣ Чехова мы находимъ прекрасную характеристику всякаго сектантства, всѣхъ тѣхъ, кто отдѣлился отъ „обыкновенной вѣры“, душевный процессъ, приводящій къ такому отдѣленію — ясенъ.

„Обыкновенная вѣра“, то-есть вѣра церковная, прежде всего требуетъ отъ людей подвига, превышающаго всѣ подвиги, предпринятые Матвѣемъ — подвиги смиренія. Отсутствіе смиренія всегда и приводитъ къ стремленію отдѣлиться отъ „обыкновенной вѣры“ и создать свою. Такъ было и съ Матвѣемъ. Онъ усомнился не въ правильности той вѣры, которую исповѣдуютъ всѣ его близкіе, онъ усомнился въ людяхъ, въ ихъ нравственномъ достоинствѣ, и, какъ евангельскій фарисей, сказалъ себѣ: „Благодарю тебя, Господи, что я не таковъ, какъ прочіе люди“. Но, возвратившись къ „обыкновенной вѣрѣ“ онъ все же не приобрѣлъ настоящаго христіанскаго расположенія души. На брата своего, впаваго въ то же заблужденіе какъ и онъ самъ, онъ старается дѣйствовать не любовью, а обличеніями и попреками.

Яковъ представляетъ собою совсѣмъ иной типъ, чѣмъ Матвѣй. Онъ уже не молодецъ и его презрѣніе къ жизни и людямъ носитъ иной характеръ, нежели у Матвѣя. Онъ то, что называется, кулакъ. Онъ обсчитываетъ, обмѣриваетъ, обманываетъ, но въ то же время онъ презираетъ людей за ихъ безнравственность, а, главнымъ образомъ, за неисполненіе или плохое исполненіе ими обрядовой стороны религіи, въ исполненіе которой для него сосредоточивается вся его жизнь. Душевное состояніе Якова, смыслъ и характеръ его религіозности изображены у Чехова прекрасно. И именно эта правда изображенія какъ бы невольно готовится читателя къ роковой развязкѣ. Ненависть къ брату нарастаетъ въ душѣ Якова, и это тѣмъ болѣе, что въ иныхъ его обличеніяхъ онъ чувствуетъ правду. И вотъ на видъ незначительная ссора, происходящая вслѣдствіе пустого предлога, кончается убійствомъ. Сцена, предшествующая убійству и сцена убійства изображены въ разсказѣ Чехова съ тою же жестокою правдивостью, въ тонѣ которой написанъ весь разсказъ. Убійство было случайное, нечаянное, — но дѣло принимаетъ иной характеръ вслѣдствіе того, что Яковъ хочетъ скрыть преступленіе, запутывается, попадаетъ, его судятъ и ссылаютъ на 14 лѣтъ въ каторгу, на Сахалинъ. И вотъ тамъ-то, на Сахалинѣ, Яковъ возвращается къ „обыкновенной вѣрѣ“. Но съ зуми Н. Николаевъ.

— 70 —

(Н. Н. Гавриловъ - Отрек.)